

В ТЕСНЫХ РАМКАХ РОЛИ

ГАСТРОЛЬНОЕ ЛЕТО

Летние гастролы Государственного ордена Ленина академического Малого театра Союза ССР в нашем городе вызвали большой интерес горьковских зрителей.

Сегодня мы знакомим вас с еще одним актером труппы — заслуженным артистом РСФСР Никитой Владимировичем Подгорным.

МНОГООБРАЗИЕ, непохожесть индивидуальных человеческих характеров всегда привлекали его. Манила перспектива отображения на сцене интереснейших типов, Манила, притягивала и... пугала. Пугала возможностью необузданно «разгуляться» в рамках драматургического «скелета» роли. Иногда приходили приступы сомнения в верности своего или режиссерского варианта... Но всегда за словом, изреченной мыслью своего героя, за ремаркой автора, за исчерпывающим режиссерским указанием — был для него еще целый мир страсти и дум.

И. Ильинский, представляя на страницах журнала «Театр» Никиту Подгорного, тогда еще совсем молодого актера, рассказывает именно об этой стороне его дарования. О неформальном подходе, о творческом отношении к любой, самой «проходной», эпизодической роли. Игорь Владимирович рассказывает о Подгорном в роли вестового Н. Никитина в «Северных зорях». Роль была «служебная, незавидная. Выйти, доложить и... только. А юноша Подгорный, пусть еще неопытный, начинающий, но уже художник, сумел так докладывать, так проходить по сцене, так произносить фамилию генерала, что зрители не могли не оценить артистичности актера и неизменно награждали его выходы аплодисментами».

Здесь сказалось все: и полученный в наследство от актерской династии Подгорных дар «сценичности», и собственная острая наблюдательность, и умение реагировать на подмостках свои наблюдения над жизнью.

Мир, отраженный неповторимо и по-своему в душе сценического героя, всегда вставал за словами, за жестом, за границами роли.

Мне посчастливилось видеть, как этому помогала... музыка.

Лет двенадцать назад в зале Горьковской филармонии состоялось театрално-концертное представление гетевского «Эгмонта» с музыкой Бетховена. Исполнителями были группа московских актеров во главе

с Всеволодом Николаевичем Аксеновым и Горьковский симфонический оркестр.

Необычайно торжественная обстановка концерта. Первый выход всех участников на сцену. Строгие фрак, длинные женские платья. Первые звуки гениальной увертюры Бетховена. Помню, среди глубоких впечатлений этого вечера меня поразило во время исполнения увертюры лицо одного из актеров, совсем молодого человека, почти юноши. Он сидел молча и строго в ряду исполнителей на авансцене, и лицо его было сосредоточенным и казалось почти «застывшим», но в нем жила и пела музыка Бетховена. Она одухотворила это, поначалу ничем не поражающее лицо. Музыка оживала в глазах. И все благородство гнева пораженной души и поправленного достоинства принца Оранского, вся нетерпеливая готовность его к борьбе открывались зрителю.

Так состоялась первая встреча горьковчан с актером Никитой Подгорным.

Потом были другие роли, и среди них — Ганя Иволгин в фильме «Идиот» по Достоевскому, и совсем недавняя роль научного сотрудника Лебедеванского в кинофильме «Два билета на дневной сеанс». Роли разной глубины, сыгранные по-разному, но одинаково приковавшие внимание зрителя одним — минутами молчаливой думы героев Подгорного. Это забываемо, когда Ганя смотрит на деньги, громадную пачку, брошенную Настасьей Филипповной в огонь. Их еще можно выхватить, но он, вождельно мечтающий о богатстве, почти невозможным усилием воли удерживает себя и... падает перед камином без чувств.

Или внимательные, все понимающие глаза Лебедеванского, следящие за Алешиным, двойная игра которого уже понятна ученому. Эта способность, которую мне хочется назвать способностью молчаливого красноречия, дает Подгорному и в театре возможность играть интересно и убедительно. Среди таких ролей, конечно, Освальд в «Привидениях» Ибсена.

Это удача актера — роль,

к которой он возвращается с любовью, воспоминание о которой волшебным образом озаряет его лицо:

— Когда очень грустно, когда не ладится что-либо, когда на душе «кошки скребут», — я читаю любимые роли. Освальда — чаще всего. В нем — глубина, мысль живая и тонкая...

То же направление поисков и в другой его работе. Гастон в «Путешественнике без багажа» Ануя. Гастон, изумленно и горько наблюдающий мир разврата и фальши и с глубокой грустью осознающий свою к нему причастность.

Рецензенты писали о Подгорном-Гастоне, оценивая его манеру в этом спектакле общаться с окружающими: «Бесконечно много удалось выразить Подгорному почти неподвижным, но словно прозрачным лицом».

Психологические образы...

Но в то же время часто говорят о Подгорном как об остро-характерном актере, актере меткой, «снайперской» сатирической характеристики образа.

Вспоминаются яркие и выразительные роли, сыгранные им в характерном плане, от Тафта в «Ярмарке тщеславия» с его неповторимой старческой походкой до шалопана Мурзавецкого в «Волках и овцах». И все же наибольшего успеха достигает актер там, где обе грани его дарования — углубленность психологической характеристики и яркая внешняя характеристика — сливаются в раскрытии образа героя.

Так случилось в его работе над Телятевым в «Бешеных деньгах» Островского.

И вот актер, блестяще и ярко показав нам развязную наглость искателя удовольствий Телятева, вдруг предлагает интересное решение диалога с Лидией в 3 акте, где его герой в минуту саморазоблачения, как бы со стороны взглянув на себя и свое состояние, переживает истинно трагические минуты. Это интересно. Это глубокая и умная работа актера. Остается порадоваться тому, что такой драматургический материал позволяет использовать обе стороны дарования Подгорного. Именно таких интересных встреч с драматургией и хочется ему пожелать на будущее.

Л. БУТЮГИНА.